

**МЕТОД МОДЕЛИРОВАНИЯ СТРУКТУРЫ И СЕМАНТИКИ
ЭЛЕМЕНТАРНОГО ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ КАК ЕДИНИЦЫ ЯЗЫКА**

В статье рассматривается моделирование элементарного простого предложения, которое описывается в единстве плана выражения и плана содержания как знак языка. Строится система моделей элементарных простых предложений русского языка в сопоставлении с языками коренных народов Сибири, описываются системные отношения между моделями: полисемия, синонимия и омонимия моделей элементарного простого предложения.

This paper presents a comparative analysis of the system of templates of elementary simple sentences in Russian and in uralo-altaic languages of indigenous peoples of Siberia. Polysemy, homonymy, and synonymy of the templates are discussed.

Одним из основных постулатов, обсуждавшихся в лингвистике на протяжении XX в., было выдвинутое Ф. де Соссюром разграничение языка и речи и концепция языка как системы знаков. Эта идея привела к смене научных парадигм и была блестяще реализована применительно к разным ярусам языковой системы. Однако до сих пор построение целостной языковой системы от ее низших ярусов к высшим не завершено. И прежде всего это касается синтаксического уровня языка, для которого все еще не ясным остается представление об основной синтаксической единице, о системе таких единиц и их дифференциальных признаках, конституирующих системные отношения между ними.

**Предложение как единица языка
и единица речи**

В течение долгого времени в отечественной лингвистике господствовало представление о предложении как единице речи: «Предложение – это грамматически оформленная по законам данного языка целостная единица *речи* (выделено нами – Н. К.), являющаяся главным средством формирования, выражения и сообщения мысли» [Грамматика русского языка, 1960. С. 65].

В соответствии с этим определением проводилась классификация простых пред-

ложений, совмещающая их структурные (деление на двусоставные / односоставные, полные / неполные, распространенные / нераспространенные, осложненные / неосложненные) и коммуникативные (деление предложений по цели высказывания на повествовательные, вопросительные, побудительные, по эмоциональной окраске – на восклицательные и невосклицательные) признаки. Такая классификация отражает процессы, происходящие с конкретными фразами в речи: упрощение или, наоборот, распространение, осложнение структуры предложения. Она не имеет единого основания: все множество предложений делится на подтипы по принципу непересекаемости, т. е. как односоставные, так и двусоставные предложения могут быть полными и неполными, распространенными и нераспространенными, осложненными и неосложненными.

Выделение В. В. Виноградовым на синтаксическом уровне трех единиц синтаксиса: словосочетания, простого предложения и сложного предложения – разрушает единое представление о строении языка, в соответствии с которым каждый ярус представлен одной языковой единицей – фонемой, морфемой, лексемой.

В «Грамматике русского языка» 1954 / 1960 г. представлена завершенная концеп-

ция предложения как единицы речи, обобщившая все достижения классического периода языкознания с его преимущественным вниманием к форме предложения и его назначению в акте коммуникации.

Вероятно, первое определение предложения как единицы языка принадлежит А. И. Смирницкому: «Предложения представляют собой основные единицы языкового материала, подлежащие лингвистическому изучению для извлечения из них единиц самого языка, для определения роли каждой из этих последних, для выяснения связей и взаимодействия между ними в процессе применения языка как важнейшего средства человеческого общения. <...> В предложениях мы находим известные формулы строения, которые являются определенными единицами языка – в отличие от предложений во всей их конкретности и цельности, – подобно тому, как единицами языка являются отдельные слова и фразеологические единицы, находимые в предложениях, – в отличие от конкретных сочетаний фразеологических единиц со словами» [Смирницкий, 1957. С. 35].

Изучение предложения как двусторонней эмиической сущности долгое время сдерживало несколько обстоятельств. Прежде всего, его максимальная абстрактность и отсутствие средств естественного языка для его фиксации. Так, для репрезентации фонем, морфем, лексем служит звуко-буквенное письмо. Предложение как единица языка аналогичным образом представлено быть не может. Даже искусственно построенные фразы типа *Иван бьет Петра, Петр насыщает Иваном* [Ломтев, 1979] дают представление о типе предложения, но не являются отражением единства его плана выражения и плана содержания. Кроме того, исследование плана содержания предложения было невозможно без развития семантического синтаксиса, которое относят к 70-м гг. XX в. [Шмелева, 1988].

Элементарное простое предложение как основная единица синтаксического уровня языка

Во второй половине XX в. в работах Т. П. Ломтева, Н. Ю. Шведовой, В. А. Белощапковой, Т. В. Шмелевой, Г. А. Золотовой, М. В. Всеволодовой и др. начало склады-

ваться представление о предложении как единице языка.

В рамках новосибирской синтаксической школы, которую возглавляет д-р филол. наук, проф. М. И. Черемисина, основной (и единственной) единицей синтаксического яруса языка считается элементарное простое предложение (ЭПП)¹. В плане содержания ему соответствует одна пропозиция, т. е. ни один из его компонентов не может быть развернут в самостоятельное предложение. Все остальные типы предложений представляют собой результат преобразований ЭПП, их соединения между собой по особым правилам.

Так, фраза *Расстроенное пианино дребезжало в стиле рэг-тайма* (В. Аксенов. *Круглые сутки нон-стоп*) репрезентирует ЭПП *Пианино дребезжало*. При характеристике подобных предложений как элементарных мы отвлекаемся от того, что всякое определение (как приименное, так и приглагольное) есть скрытый предикат. Вхождение в предложение любого определения – это первый шаг на пути к усложнению семантики предложения, которое происходит в рамках простого по структуре, монопредикативного предложения.

Другой тип усложнения и структуры, и семантики предложения представляет собой фраза *Левой рукою Маргарита провела по виску, поправляя прядь волос...* (М. А. Булгаков. *Мастер и Маргарита*), в которой вычленяется два ЭПП: *Маргарита провела левой рукою по виску, Маргарита поправила прядь волос*. Использование деепричастного оборота обусловлено монособъектностью конструкции, редукцией субъектной валентности и «вторичным» характером названного деепричастием действия.

Во фразе *Между тем приход его и тон Гаспарову не понравился* (О. Постнов. *Падение*) предикатное выражение получает не само событие, а его переживание, интерпретация субъектом. Событие, явившееся стимулом эмотивного переживания, отодвигается на второй план и выражается де-

¹ См., например: [Байжанова, 1999; Зюзина, 2003; Кошкарёва, 2004; Кулятина, 2006; Невская, 1997; Принципы..., 2004; Серээдар и др. 1996; Соколова, 2006; Соловар, 1991; Телякова, 1994; Тыбыкова, 1989; Черемисина, 1989; 1992; 1993а; 1993б; 1995а; 1995б; 1997а; 1997б; 1998а; 1998б; 1998в; 2003; 2005; Черемисина, Колосова, 1988; Черемисина, Скрибник, 1996; Чугунекова, 1998; Якушко, 1997; и др.]

вербативом *приход*: > Гаспарову не понравилось, что он пришел. Гаспарову не понравилось, каким тоном он разговаривал. В развернутом виде подобное модусдиктумное отношение передается изъяснительными сложноподчиненными предложениями, как в следующем примере: [*Этот звук, издаваемый ногами Жоры, очень понравился нашему руководителю...*] Особенно **понравилось** Евгению Дмитриевичу, что ржание его кончалось храпом, [и в самом деле очень похожим на звук, которым лошадь заканчивает ржание] (Ф. Искандер. Мученики сцены).

Метод моделирования предложения как единицы языка предполагает абстрагирование от напластований смыслов в речи и вычленение в качестве объекта моделирования элементарного простого предложения. Установление типов отношений между ЭПП в составе целого (диктум-диктумные, модусдиктумные, релятивные) и описание способов выражения этих отношений (средствами простого, осложненного, сложного предложений) является следующей ступенью описания предложения.

Способом репрезентации ЭПП как знака языка является его модель. Модель предложения – «это образец, по которому строится не одно предложение, а множество различных предложений. Модель обладает отвлеченной формальной значимостью, в которой фиксируется общий характер отношений между предметами и общий характер ее структурных элементов» [Ломтев, 1979]. Модель ЭПП представляет собой единство плана выражения и плана содержания.

План выражения ЭПП – последовательность условных символов, отражающая морфологический способ выражения компонентов, необходимых для реализации соответствующего смысла. Условные символы структурной схемы соответствуют частям речи и сопровождаются двумя видами дескрипторов: дескрипторы нижнего индекса обозначают грамматические значения, верхнего – семантические роли, например: N_{Nom}^{Ag} или N_I^{Ag} – активный субъект действия, агенс, выраженный именем существительным в форме Им. п.

Планом содержания ЭПП является пропозиция, под которой мы вслед за Н. Д. Арутюновой понимаем семантический инвариант, общий для всех членов модальной и коммуникативной парадигм предло-

жений и производных от предложения конструкций (номинализаций) [Арутюнова, 1990. С. 401].

Так, модель $N_I^{Exp} \Leftrightarrow V_f^{Perc} \rightarrow N_4^{Perc}$ описывает пропозицию восприятия и имеет типовое значение «кто – воспринимает – что». В ее состав входят следующие компоненты: N_I^{Exp} – субъект восприятия (экспириенцер); V_f^{Perc} – глагол восприятия (перцептивный); N_4^{Perc} – объект восприятия (перципиенс).

Фразы, соответствующие данной модели, могут описывать:

– физическое восприятие чего-либо субъектом: Дедушка выпил на ночь лекарство; Ребенок съел полную тарелку каши; По вечерам всей семьей мы пьем чай на балконе;

– психическое восприятие: Бабушка с внучкой смотрят телесериалы по вечерам; Я видел высоко на дереве белку; Дети слушали пластинки; Я ощущаю холод; Я не чувствую собственного тела;

– интеллектуальное восприятие: Студенты читают конспекты; и т. д.

ЭПП представляет собой знак отношения между участниками ситуации. Поэтому вершиной модели является предикат, валентности которого отражают структуру ситуации – количество и характер участников. Например, во фразе с одновалентным предикатом *Я не сплю* описывается статальная ситуация, тогда как во фразе *Мама посолила капусту* двухвалентный предикат отражает ситуацию акционального воздействия, а трехвалентный предикат передачи во фразе *Дети подарили бабушке платок* – ситуацию передачи материального предмета от одного лица другому.

В состав ЭПП входят предикат и его обязательные распространители – подлежащее, прямое дополнение, косвенное дополнение, а при пространственных предикатах (глаголах бытия, местонахождения, движения, перемещения) также и обстоятельства места. Определения и обстоятельства являются факультативными компонентами предложения, их наличие или отсутствие существенно не влияет на обобщенную семантику предложения. Так, в предложениях *Я не сплю уже вторую ночь*; *Мама на кухне солила капусту на зиму для всей семьи*; *Дети подарили бабушке красивый платок из шелка на день рождения* обстоятельства и определения лишь распространяют предложения, не являясь обязательными для его

номинативного минимума, тогда как в предложениях *Мы приехали из Москвы; Мы поехали в Москву*, наоборот, обстоятельства места представляют собой облигаторные компоненты высказывания.

Парадигма элементарного простого предложения

Парадигма ЭПП – это совокупность его видоизменений, обусловленных возможностями варьирования предложения по грамматическим категориям при сохранении тождества самому себе, т. е. при сохранении пропозиции, отношений между компонентами и способа их грамматического выражения.

Например, в целях моделирования из предложения [*Впрочем, когда я вышагивал по Европе,*] *я слышал лишь запах пороха* (Б. Окуджава. Свидание с Бонапартом) мы извлекаем ЭПП *я слышал запах пороха*, абстрагируясь от его конкретного актуального членения в данном тексте, в соответствии с которым в рему входит компонент *лишь запах пороха*, на что однозначно указывает наличие рематической частицы *лишь*. Это предложение строится по модели $N_1^{Exp} \leftrightarrow V_f^{Perc} \rightarrow N_4^{Perc}$.

Та же самая пропозиция восприятия субъектом объекта может выражаться и средствами односоставного предложения, например: *Мне было слышно лишь запах пороха*, которому соответствует модель $N_3^{Exp} \leftarrow (cop) Praed^{Perc} \rightarrow N_4^{Perc}$, или предложением *Мне слышится лишь запах пороха*, построенным по модели $N_1^{Perc} \leftrightarrow V_{Ref}^{Perc} \rightarrow N_3^{Exp}$.

При тождестве пропозиций эти предложения строятся по разным моделям, так как различаются способом выражения предиката и актанта, а также и соотношением между ними.

Парадигма предложения в русском языке формируется, как минимум, следующими категориями:

– утвердительность / отрицательность:

Я не слышу запаха пороха; Здесь есть грибы – Здесь нет грибов; Я вижу деревья – Я не вижу деревьев;

– темпоральность: *Я слышал / слышу / буду слышать лишь запах пороха;*

– персональность (определенное / неопределенное / обобщенное лицо): *Я / ты / он /*

все / каждый из нас слышит запах пороха; Слышишь, бывало, лишь запах пороха;

– модальность: *Я должен слышать лишь запах пороха* (долженствование); *Я могу слышать лишь запах пороха* (возможность);

– фазисность: *Я начал / кончил / продолжаю слышать запах пороха;*

– вопросительность: *Слышал ли я запах пороха? Кто слышал запах пороха? Что я слышал?;*

– коммуникативная парадигма: *Запах пороха я слышал*, *Запах пороха слышал я*, *Я слышал запах пороха* и т. д.

В парадигму ЭПП мы включаем примеры, в которых значение фазисности и модальности выражается лексико-грамматически или сопровождается некоторыми изменениями конструкции, которые, на наш взгляд, не приводят к разрушению ее целостности; ср.: *Я слышу запах пороха – Я услышал запах пороха; Кто-то поет – Кто-то запел; Мне можно слышать лишь запах пороха* (разрешение); *Невозможно слышать лишь запах пороха* (невозможность); *Мне слышать лишь запах пороха?* (инфинитивное предложение).

Объем парадигмы для разных типов предложений может быть различным. В предложениях с именными и глагольными сказуемыми модусное значение персуазивности получает разное выражение: либо входит в парадигму сказуемого, что способствует его рассмотрению как парадигматического, либо выражается вводно-модальными словами, ср.: *Ребенок кажется послушным – Кажется, кто-то запел*. Вероятно, это обусловлено тем, что предложения с именными сказуемыми являются основным средством выражения логических пропозиций, отражающих рефлексию над событиями действительности [Шмелева, 1988]. Интерпретация действительности естественно предполагает большую степень субъективности, что и находит отражение во включении персуазивности в состав предикативных категорий, выражаемых сказуемым.

Как члены одной парадигмы мы рассматриваем и следующий ряд фраз: *Снег; На улице снег; На улице нет снега; На улице (был / будет) снег; На улице много снега; Снегу!* Они являются реализациями бытийной модели $LEX^{LOC} \leftarrow V_f^{Ex} \leftrightarrow N^{Ex}$, в состав которой входят в качестве обязательных следующие позиции:

LEX^{LOC} – лексема со значением местонахождения (локатив), которая может быть представлена разными частями речи – наречием или именем в разнообразных падежных формах (*на / при / в N₆, у / около / позади N₂, за / перед N₅* и др.);

V_f^{Ex} – экзистенциальный глагол-предикат;

N^{Ex} – субъект-экзистенс.

Однако в потоке речи далеко не всегда заполняются все позиции, что препятствует традиционной грамматике рассматривать их как варианты одного и того же инварианта. В соответствии с пониманием предложения как единицы речи, многие члены этого ряда попадают в диаметрально противоположные классы: некоторые оцениваются как двусоставные, другие – как односоставные предложения. Единство плана содержания и закономерное грамматическое варьирование объединяет фразы данного ряда в единую бытийную модель с типовым значением «где-то имеется что-то». Выражение отрицания и количественности закономерно сопровождается меной именительного падежа субъекта на родительный (Снег есть – Снега нет – Много снега – Снегу!). Наличие или отсутствие локализатора обусловлено указанием либо на конкретное пространство, либо на то, что подразумевается мир вообще или известное из ближайшего контекста пространство [Арутюнова, Ширяев, 1983].

Парадигма акциональных предложений

Парадигмы разных типов предложений в языках разных систем могут иметь значительные различия, которые обуславливаются морфологически. В русистике к предикативным категориям относят, прежде всего, те, которые связаны с варьированием субъекта и предиката как предикативного центра предложения. Мы рассмотрим возможности парадигматического варьирования объектной позиции в акциональных предложениях на примере трех сибирских языков – эвенкийского (тунгусо-маньчжурская семья языков), хантыйского (финно-угорская семья) и ненецкого (самодийская семья).

Возможности варьирования объектной позиции обусловлены, во-первых, определенностью / неопределенностью объекта воздейст-

вия, а во-вторых, одушевленностью / неодушевленностью агенса и пациенса.

Каноническим средством выражения пропозиции акционального воздействия является общая для всех рассматриваемых языков модель $N^{Ag}_{NOM} \leftrightarrow V_f^{Act} \rightarrow N^{Pat}_{ACC}$ (N^{Instr}_{INSTR}) с типовым значением «кто-то – воздействует – на что-то (чем-то)».

В состав модели входят следующие компоненты:

N^{Ag}_{NOM} – активно действующее лицо (агнес);

V_f^{Act} – акциональный глагол;

N^{Pat}_{ACC} – объект воздействия (пациенс);

N^{Instr}_{INSTR} – инструмент.

Варьирование позиции объекта зависит, в частности, от семантического варианта модели, который может обозначать:

1) воздействие, направленное на создание или уничтожение объекта (креативное и деструктивное);

2) воздействие на объект, который существовал до начала воздействия и продолжает существовать после него (воздействие, сопровождающееся изменением качеств объект или без его трансформации).

Креативное воздействие направлено на созидание нового объекта, не существовавшего до начала действия, поэтому объект-креатив мыслится как неопределенный, тогда как деструктивное воздействие предполагает заранее известный предмет. Соответственно определенность / неопределенность объекта-креатива и объекта-деструктива может кодироваться либо именными, либо глагольными категориями, в зависимости от набора морфологических категорий в разных языках.

В падежной системе эвенкийского языка взаимно противопоставлены друг другу винительный неопределенный (**ACC IND**) и винительный определенный (**ACC**) падежи, которые употребляются соответственно для обозначения неопределенного объекта-креатива и определенного объекта-деструктива, например:

Тадук пастухил вота вотапикил
[Колесникова, 1966. С. 235].

тадук пастухи=л=Ø

потом пастух=PI=NOM

вота=я вота=ли=пки=л

ограда=ACC IND делать ограду=INCH=PART=PI

‘Потом пастухи начинают делать ограду.’

Бэе мова хогран [Горцевская и др., 1958. С. 291].

бэе=Ø мо=ва
 человек=NOM дерево=ACC
 хог=ра=н
 срубить=PR/PERF=3Sg
 'Человек срубил дерево.'

В ненецком языке позиция объекта может кодироваться либо именительным (NOM), либо винительным (ACC) падежами, ср.:

Дядяң дёдьшкана неңай хэтулдишту, тынунтаңкошту, дет пидипёшту, [квитаңкошту, педёдишту, пепайтёшту] [Турутина, 2003. С. 34].

дядя=ң дёдьш=кана не=ңай
 день=GEN/Sg время=LOC/Sg женщина=NOM/PI
 хэту=да=шту=Ø
 шить=FREQ=HAB=SUBJ/3Sg
 тынунтаңко=шту=Ø
 плести нитки=HAB=SUBJ/3Sg
 дет=Ø пидипё=шту=Ø
 котел=NOM варить=HAB=SUBJ/3Sg
 'А в течение дня женщины шьют, нитки из жил плетут, кушать варят, [стирают, за дровами ходят, дрова рубят мелко].'

Сюдбя вэсаком' та' хадав [Терещенко, 1990. С. 65, № 250].

сюдбя вэсаком' та' хадав
 великан старик=ACC/Sg тут убить=OBJ/1Sg
 'Старика-великана тут я убил.'

В хантыйском языке возможен единственный вариант падежного маркирования объектной позиции – формой именительного падежа, так как винительный падеж в парадигме отсутствует. Соответственно функции выражения определенности / неопределенности объекта берет на себя глагол. В хантыйском языке в рамках глагольной парадигмы противопоставлены друг другу формы субъектного и объектного спряжения, которые, являясь средством выражения актуального членения (подробнее об этом см.: [Кошкарева, 2002]), служат и для указания на определенность / неопределенность объекта. Ср.:

Что случилось? Что произошло?

Miŋ lar welśaw.

mīŋ lar welś=s=aw
 мы ёрш добыть=PAST=SUBJ/1PI
 'Мы добыли ершей.'

Что мы добыли?

Miŋ lar=ław welśew.

mīŋ lar=ław welś=s=ew
 мы ёрш=POSS/1PI/PI добыть=PAST=OBJ/1PI
 'Мы добыли ершей.'

Таким образом, в состав грамматических категорий предложения в языках коренных народов Сибири может входить указание на определенность / неопределенность объекта, которая в индоевропейских языках выражается лексически (при помощи артиклей, специальных лексем), а в языках урало-алтайской типологической общности грамматически (средствами именной или глагольной морфологии). В тех языках, где эта оппозиция грамматикализована, есть основания включать ее в состав предикативных категорий предложения.

Структура предложения может варьировать также в зависимости от одушевленности / неодушевленности субъекта и объекта.

Стандартным является соотношение, при котором субъект обозначает одушевленное лицо, а объект – неодушевленное, чаще всего материальный предмет. В этом случае ситуация кодируется канонически – моделью $N^{Ag}_{NOM} \leftrightarrow V_f^{Act} \rightarrow N^{Pat}_{ACC} (N^{Instr}_{INSTR})$.

Однако возможны и другие типы соотношения между субъектом и объектом. Если и субъект, и объект являются одушевленными (например, *Мальчик ударил девочку*), то ситуация кодируется канонически. Особое выражение получает ситуация, в которой пациенсом оказывается одушевленное лицо, испытывающее на себе воздействие со стороны стихии или другой неподвластной ему силы. В этом случае предложение строится по модели $N^{Ob}_{ACC} \leftarrow V_f \rightarrow N^{Funct}_{INSTR}$ и в традиционной грамматике оценивается как односоставное. Например:

[Когда Пекалов ткнулся в валун плечом, послышался шорох,] и *Пекалова придавило сползшей с валуна сырой шаткой земли и глины* (В. Маканин. Утрата). > * Шапка земли и глины придавила Пекалова.

Однако если объектом воздействия стихийной силы является неодушевленный предмет, то используется каноническая конструкция, ср.: предложение Пламя уже охватило мостик (Р. Штильмарк. Наследник из Калькутты) строится по модели $N^{Funct}_{NOM} \leftrightarrow V_f \rightarrow N^{Ob}_{ACC}$, тогда как в предложении «Со всем было их огнем охватило, – сказала Манефа. – Болотце, слава богу, попало, кони туда повернули» (П. И. Мельников-Печерский. В лесах) объектом воздействия пламени являются люди, поэтому каноническая конструкция невозможна и предложение является односоставным.

Выражение семантической роли воздействующей на одушевленный объект силы формой творительного падежа обусловлено необходимостью подчеркнуть более высокий статус одушевленного лица в иерархии действующих в ситуации участников, форма винительного падежа одушевленного объекта указывает на его семантическую роль пациенса.

Аналогично и в хантыйском языке (казымский диалект): в предложениях, описывающих ситуацию воздействия на одушевленный объект, последний сохраняет высокий грамматический статус и выражается именем в форме именительного падежа, однако глагол при этом стоит в форме страдательного залога, указывая на то, что он является объектом воздействия, например:

Ma ħamałtən tqəmsajəm

ma ħamałt=ən
я мошка=LOC

tqəms=s=aj=əm

укусить=PAST=PASS=SUBJ/ISg

Букв.: Я мошкой укушен.

‘Меня укусила мошка.’

В русском языке слово *мошка* может занимать позицию субъекта и принимать форму именительного падежа, так как грамматически интерпретируется как одушевленное имя. В хантыйском же языке к классу одушевленных относятся только обозначения людей, по отношению к которым применимо личное местоимение *ħiw* ‘он, она’. Имя лица в хантыйском предложении всегда занимает иерархически самую высокую позицию, не сдвигаясь в синтаксическую позицию объекта. На его статус как объект воздействия указывает форма глагола.

Таким образом, в хантыйском языке также особым образом маркируется неканоническая ситуация воздействия неодушевленного предмета на одушевленное лицо. Однако в разных языках для этого используются разные стратегии.

В русском языке одушевленное лицо в роли пациенса смещается в позицию дополнения, но при этом появление в предложении позиции подлежащего, имеющего более высокий синтаксический статус, не допустимо. Таким образом одушевленный паци-

енс сохраняет свой «верховный», хотя и относительный, статус в предложении.

В хантыйском языке одушевленный пациенс сохраняет позицию подлежащего, тем самым категория одушевленности является для этого языка более важной, чем семантическая роль.

В русском языке односоставные предложения используются и при выражении воздействия на одушевленный субъект таких явлений природы, как жар, тепло, холод, а также болезненных состояний, например: *Меня здесь в первые же минуты охватило лихорадочным ознобом* (В. И. Немирович-Данченко. Святые горы). Однако воздействие на одушевленное лицо эмоций (таких как волнение, возбуждение, счастье, буйство, неистовство, ликование и т. п.) выражается канонически, например: *Ее вдруг охватило давнее волнение – желание слиться, вобрать в себя Никиту* (Ю. Мамлеев. Конец света / О чудесном). Тем самым в синтаксической системе русского языка эмоции трактуются как сила, иерархически занимающая более высокое положение, чем одушевленный субъект.

Таким образом, в парадигме предложений акционального воздействия должны быть предусмотрены категории, регулирующие выражение одушевленности или неодушевленности объекта воздействия. В русском языке к этой парадигме примыкают те разновидности односоставных предложений, в которых описывается ситуация воздействия на одушевленный пациенс. Тем самым в рамках моделирования структуры и семантики предложения нивелируется граница между двусоставными и односоставными предложениями, которые рассматриваются как регулярные проекции одной и той же модели, обусловленные определенными парадигматическими параметрами.

Классификация моделей ЭПП

В рамках теории моделирования структуры и семантики предложения мы предлагаем многомерную классификацию ЭПП, которая отражает его признаки как эмической сущности (табл. 1).

Таблица 1

Типология моделей ЭПП

Признаки	Типы моделей ЭПП				
	Событийные (события действительности)			Логические (установленные качества и свойства субъекта)	
	Бытийно-пространственные	Акциональные	Статальные	Характеризационные	Реляционные
Тип пропозиции	Местонахождение предмета в пространстве	Манипуляции с объектом	Состояние человека и природы	Установленные качества и свойства субъекта	Отношения между предметами действительности
Предикат	Глаголы существования, местонахождения, движения, перемещения	Глаголы креативного, деструктивного действия, глаголы воздействия с трансформацией объекта и без изменения свойств объекта.	Глаголы состояния, слова категории состояния, краткие прилагательные	Именные сказуемые (существительные и полные прилагательные)	Именные и глагольные сказуемые
Компоненты	Субъект, предикат и локализаторы, указывающие на место протекания действия, начальную или конечную точку движения или перемещения, его трассу	Субъект, предикат и актанты (прямые и косвенные)	Субъект и предикат	Субъект и предикат	Имена, называющие два предмета, и предикат, обозначающий отношение между ними
Примеры	<i>В этом лесу много грибов. Книга лежит на столе. Поезд идет на восток. Студенты несут учебники в библиотеку.</i>	<i>Ученые вывели новый сорт картофеля. Девочка разбила чашку. Том Сойер покрасил забор.</i>	<i>Отец спит. Будильник громко тикает. На улице холодно. Бабушка здорова.</i>	<i>Коля шофер. Петя – послушный (мальчик).</i>	<i>Ты мне больше не друг. Копия соответствует оригиналу.</i>

В основании классификации лежит деление ЭПП по типу пропозиции – ЭПП с событийными пропозициями, описывающими события действительности, и ЭПП с логическими пропозициями, являющимися отражением установленных субъектом качеств и свойств субъекта. Тесно связаны между собой такие признаки, как тип предиката, а также набор и соотношение между собой обязательных компонентов модели. Однако синтаксическая модель ЭПП не тождественна системе валентностей предиката и формальных способов их выражения.

Так, глаголы разных ЛСГ могут функционировать в одной модели, и наоборот, глаголы одной ЛСГ способны формировать разные модели. Например, глагол *трезвонить* относится к ЛСГ глаголов звучания, представляющих собой разновидность глаголов действия и деятельности. Однако этот глагол может употребляться в модели бытия, например: *В темноте над головой трезвонили московские сорок сороков* (Б. Пастернак. Доктор Живаго). В сочетании с локализатором у данного глагола актуализируется сема бытийности, что позволяет ему встраиваться в соответствующую модель. Возможности лексического наполнения разных моделей в разных языках варьируют в довольно широких пределах (см. об этом подробнее: [Кошкарёва, 2005]).

В целом между структурой и семантикой моделей существуют взаимные соответствия, и мы полагаем, что определенные структуры предназначены в языке для выражения определенных смыслов.

Системность на синтаксическом уровне

Модели ЭПП вступают в системные отношения друг с другом, при этом устанавливаются отношения синонимии, омонимии, полисемии.

Пример синтаксической полисемии ярко демонстрирует структурная схема $N_1 V_f N_4 N_3$ (табл. 2), в рамках которой очевидно развитие семантики от исходного пространственного значения перемещения материального объекта в физической сфере, перемещение материального предмета в социальной сфере (передачу) к передаче идеального объекта – информации в интеллектуальной сфере и да-

лее – к опосредованной передаче результатов деятельности в бенефактивной конструкции [Кузнецова, 2004, 2006а, 2006б].

Целый ряд омонимичных моделей представлен структурной схемой $N_{NOM} V_f N_{ACC}$. По материалам Ю. Н. Болотиной [2006 и др.], выделяется по крайней мере 17 моделей, планом выражения которых является данная структурная схема, представляющая собой средство выражения разных пропозиций с разным распределением и характером семантических ролей:

1) модель $N^{ig}_{NOM} V_f^{Mot} N^{Loc}_{ACC}$ со значением движения, например: *Он прошел в арку – как раз под красным спасательным кругом – и обошел ее дом, стараясь угадать, где же ее окно* (В. Дудинцев. Белые одежды);

2) модель $N^{Ex}_{NOM} V_f^{Mot} N^{Ex}_{ACC}$ со значением местонахождения, например: *Яркий платок покрывал голову и плечи* (А. Рыбаков. Дети Арбата);

3) акциональная модель со значением созидания объекта $N^{ig}_{NOM} V_f^{Creat} N^{Ob}_{ACC}$, например: *А Виталий вырастает в собственных глазах, думая, что это он своими собственными руками изваял из унылого куска глины прекрасную женщину* (И. Полянская. Бедное сердце Мани);

4) модель $N^{Exp}_{NOM} V_f^{Perc} N^{Perc}_{ACC}$ со значением восприятия, описывающая ментальную деятельность, например: *Войдя в порт, я, кажется мне, различаю на горизонте, за мысом, берега стран, куда направлены бушприты кораблей* (А. Грин. Бегущая по волнам);

5) модель $N^{Caus}_{NOM} V_f^{Caus} N^{Deser}_{ACC}$ со значением каузации изменения интенсивности признака, например: *Я повысил ставку* (А. Грин. Бегущая по волнам);

и др. модели.

Синтаксическую синонимию можно продемонстрировать на примере гипермодели местонахождения $N_1^{Ex} V_f^{Ex T // R} LEX^{Loc}$ с типовой семантикой «что-то находится где-то», в рамках которой варьирует выражение позиции локатива, которое обусловлено конкретными пространственными координатами, например:

– расположение позади пространственного ориентира (за + Тв. п.): *За домом, за облетевшим садом, белела березовая роща* (К. Паустовский. Снег);

Таблица 2

Модели предложений со структурной схемой $N_1 V_f N_4 N_3$

№	Пример	V_f	N_1	N_4	N_3	Тип пропозиции	
1	<i>1 сентября школьники приносят учителям (в школу) цветы.</i>	Глаголы перемещения	Одушевленный	Материальный предмет	*Место директив-финиш (конечная точка перемещения)	$N_1^{Ag} V_f^{Mot} N_4^{Obj} N_3^{D-F}$ Перемещение в физической сфере	
2	<i>Сын подарил матери платок.</i>	Глаголы давания		Идеальный	Одушевленный	реципиент (получатель материального объекта)	$N_1^{Ag} V_f^{Don} N_4^{Obj} N_3^{Rec}$ Перемещение в социальной сфере: передача материального предмета от одного лица другому
3	<i>Бабушка рассказывает внуку сказки.</i>	Глаголы речи				адресат (получатель «идеального» объекта – информации)	$N_1^{Ag} V_f^{Voc} N_4^{Obj} N_3^{Adr}$ Перемещение в интеллектуальной сфере: передача «идеального» объекта – информации, от одного лица другому
4	<i>Родители построили сыну гараж.</i>	Акциональные глаголы		Материальный / Идеальный	Одушевленный	бенефициант (получатель результата действия)	$N_1^{Ag} V_f^{Act} N_4^{Obj} N_3^{Ben}$ «Передача» результатата действия заинтересованному лицу
5	<i>Санитарка перевязала бойцу руку (руку бойца).</i>			Часть тела (партитив)		посессор	$N_1^{Ag} V_f^{Act} [N_4^{PART} N_3^{POSS} f^{Obj}]$ Конструкции с «расщепленной» позицией объекта

– расположение перед пространственным ориентиром (*перед* + Тв. п.): *Перед балаганом скоро загорелся веселый огонек, а над ним закипел походный чайник* (Д. Н. Мамин-Сибиряк. В горах);

– расположение под пространственным ориентиром (*под* + Тв. п.): *На стенах бронзовые бра, под потолком хрустальная люстра* (Л. Измайлов. Приключения курочки Рябы, происшедшие с ней по заказу Центрального телевидения).

Другой пример синонимичных отношений – это предложения с семантикой (родственных) отношений, в которых устанавливается отношение родства или свойства между двумя субъектами-релянтами:

1) $N_1 \Leftrightarrow (\text{cop}) \text{ADJ}^{\text{POSS}} N_{1/5}$
Он^{S1} – твой^{S2} отец^{Pr}.

А Владимиру открыты все двери. Только потому, что его отец – ты (М. Кундера. Шутка).

– Митя-я! – заголосила Катерина. – Митенька, не надо!..

– А я его трогал, – оправдывался Петров.

– Так он же отец твой!

– И что?

– Нельзя на отца-то!.. (Дм. Липскеров. Последний сон разума).

Я попробовал забыть, что она моя жена, и отнес ее образ на расстояние; достаточно для выяснения истины (Б. Пастернак. Доктор Живаго).

2) $N_1 \Leftrightarrow (\text{cop}) N_{1/5} \rightarrow N_2$
Он^{S1} – отец^{Pr} Миши^{S2}.

Иван был сыном тети Поли (Ю. Нагибин. Переулки моего детства); *Отцом Ивана был водолаз* (Ю. Нагибин. Переулки моего детства).

3) $N_1 \Leftrightarrow (\text{cop}) N_{1/5} \rightarrow N_3$
Он^{S1} мне^{S2} не отец^{Pr}.

Только честно! Он же вам не брат! (Дм. Липскеров. Пространство Готлиба).

– Кто она тебе?

– Никто, – буркнул я.

– Это что еще такое? – загремел он. – «Никто»!.. Каждый есть кто-нибудь. «Никто»! Ишь фендрик!.. (Ю. Нагибин. Переулки моего детства).

– Не отец он ему был! – закричала Катерина в последней надежде. – Не было у

них крови общей! (Дм. Липскеров. Последний сон разума).

Да и какой же он мне отец! (А. Битов. Пушкинский дом).

А сестра ли она ему? <...> Конечно, он ей вовсе не брат! (Дм. Липскеров. Пространство Готлиба).

Модели (1) и (2) являются полными синонимами, формальные различия между ними обусловлены только морфологическими возможностями выражения второго субъекта-релянта: либо притяжательным прилагательным, либо именем в форме родительного падежа, либо только именем в форме родительного падежа, если на образование притяжательного прилагательного имеются морфологические ограничения.

Соня – племянница Миши.

Соня – моя / Мишина племянница.

Соня – племянница тети Поли.

Соня – тети Полина племянница.

Модели (1) и (2) противостоят модели (3) по признаку «констатация \Leftrightarrow разрыв или установление родственных отношений». В моделях (1) и (2) утверждается наличие или отсутствие тех или иных родственных отношений как очевидный факт, тогда как в модели (3) демонстрируется разрыв существовавших прежде отношений, нарочитый отказ от них, или подчеркивается возобновление, актуализация этих отношений.

Определение статуса элементарного простого предложения как основной и единственной синтаксической единицы языка позволяет по-новому выстроить типологию простых предложений, положив в ее основание семантические признаки, которые прежде во внимание не принимались. Представление об «элементарности» предложения открывает перспективу дальнейших исследований путей осложнения предложения и построения шкалы «простота / сложность». Применение метода моделирования структуры и семантики элементарного простого предложения обеспечивает возможность структурирования синтаксического яруса языка, которое завершит построение

целостной языковой системы и позволит в дальнейшем исследовать функционирование выделенных языковых единиц в речи, прослеживая те видоизменения, которые происходят с предложением в процессе его использования в акте коммуникации.

Список литературы

- Арутюнова Н. Д. Пропозиция // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл., 1990.
- Арутюнова Н. Д., Ширяев Е. Н. Русское предложение: бытийный тип (структура и значение). М., 1983.
- Байжанова Н. Р. Базовая структурная схема элементарного простого предложения $N = 1 V_f$ в алтайском языке: Дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1999.
- Болотина Ю. Н. Об определении границ между моделями элементарных простых предложений русского языка, построенных по структурной схеме $N_1 V_f N_2 (N_3)$ (на примере моделей со значением местонахождения и помещения) // Сибирский филологический журнал. Новосибирск, 2006. №3–4 (в печати).
- Горцевская В. А., Колесникова В. Д., Константинова О. А. Эвенкийско-русский словарь. Л., 1958.
- Грамматика русского языка. М.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. 2, ч. 1.
- Зюзина (Кузнецова) Е. С. Модели элементарных простых предложений со значением передачи материального объекта // Язык и Культура в Евразийском пространстве: Материалы 16-й междунар. конф. Томск, 2003.
- Колесникова В. Д. Синтаксис эвенкийского языка. М.; Л.: Наука, 1966.
- Кошкарева Н. Б. Коммуникативная парадигма хантыйского предложения // Языки коренных народов Сибири. Новосибирск, 2002. Вып. 12. С. 29–44.
- Кошкарева Н. Б. Пропозиция и модель (на материале предложений перемещения в языках Сибири) // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск, 2004. Вып. 4. С. 70–80.
- Кошкарева Н. Б. Синтаксические средства выражения пространственных отношений (на материале уральских и тунгусо-маньчжурских языков Сибири) // Пути формирования лингвистического ландшафта Сибири. Новосибирск, 2005. С. 74–119.
- Кулятина Т. С. Одноактантные модели элементарных простых предложений с переходными глаголами в современном русском языке: Дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2006.
- Кузнецова Е. С. Модели предложений со значением передачи информации // Принципы моделирования структуры и семантики предложения. Новосибирск, 2004. С. 96–107.
- Кузнецова Е. С. Акциональная модель инструментального физического воздействия и ее варианты с расщепленной позицией объекта // Сибирский филологический журнал. Новосибирск, 2006а. № 3–4 (в печати).
- Кузнецова Е. С. Русские предложения с глаголами передачи информации // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск, 2006б. № 4 (в печати).
- Ломтев Т. П. Структура предложения в современном русском языке. М., 1979.
- Невская И. А. Типология локативных конструкций в тюркских языках Южной Сибири (на материале шорского языка): Дис. ... д-ра филол. наук. Новосибирск, 1997.
- Принципы моделирования структуры и семантики предложения. Новосибирск, 2004.
- Серээдар Н. Ч. Основные типы предложений с именным сказуемым в тувинском языке: Дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1995.
- Серээдар Н. Ч. и др. Структурно-семантическая организация предложений наличия, локализации, количества и отсутствия в тюркских языках Южной Сибири / Н. Ч. Серээдар, М. И. Черемисина, Е. К. Скрибник. Новосибирск, 1996.
- Смирницкий А. И. Синтаксис английского языка. М., 1957.
- Соколова О. В. Структура и семантика русских глагольных предложений с обязательной позицией имени в форме предложного падежа: Дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2006.
- Соловар В. Н. Структурно-семантические типы простого предложения казымского диалекта хантыйского языка: Дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1991.
- Телякова В. М. Простое предложение в шорском языке в сопоставлении с русским: Дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1994.
- Тереценко Н. М. Ненецкий эпос: Материалы и исследования по самодийским языкам. Л.: Наука, 1990.
- Турутина П. Г. Нешаң ванлат шотпяле": Легенды и сказки лесных ненцев. Новосибирск, 2003.

Тыбыкова А. Т. Структурно-семантическая характеристика простого предложения в алтайском языке: Дис. ... д-ра филол. наук. Горно-Алтайск, 1989.

Черемисина М. И. О теоретических вопросах модельного описания предложений // Предложение в языках Сибири. Новосибирск, 1989. С. 3–18.

Черемисина М. И. О системности в сфере моделей предложения // Строение предложения в языках разных систем. Новосибирск, 1992.

Черемисина М. И. О структурно-семантических типах простого предложения в тюркских языках Южной Сибири // Языки, духовная культура и будущее народов Арктики. Якутск, 1993а. С. 11–12.

Черемисина М. И. О моделировании простых предложений // Актуальные проблемы филологии: Тез. Усть-Каменогорск, 1993б. Вып. 1. С. 64–65.

Черемисина М. И. О системности в сфере моделей предложения (на материале языков Сибири) // Языки коренных народов Сибири. Новосибирск, 1995а. Вып. 1. С. 3–21.

Черемисина М. И. Исследование предложения в языках Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск, 1995б. № 4. С. 63–68.

Черемисина М. И. Исследование моделей ЭПП в тюркских языках Южной Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск, 1997а. № 4. С. 56–61.

Черемисина М. И. Языковая «картина мира» в ее отношении к моделям элементарных простых предложений // Гуманитарные исследования: итоги последних лет: Сб. тез. науч. конф., посв. 35-летию гуманитарного факультета НГУ. Новосибирск, 1997б. С. 219–222.

Черемисина М. И. Модель (гипермодель) описания действия $\{N = 1 \ N = 4 \ (N = 7) \ Vtr\}$ // Языки коренных народов Сибири. Новосибирск, 1998а. Вып. 4. С. 35–60.

Черемисина М. И. Структура и типология именных предложений // Гуманитарные

науки в Сибири. Новосибирск, 1998б. № 4. С. 96–104.

Черемисина М. И. Итоги исследования простого предложения в языках Сибири // Языки коренных народов Сибири. Новосибирск, 1998в. Вып. 4. С. 3–30.

Черемисина М. И. Парадигма элементарного простого предложения как единицы языка // Языки коренных народов Сибири. Новосибирск, 2003. Вып. 11. С. 3–29.

Черемисина М. И., Колосова Т. А. Парадигматика и деривация моделей предложения // Синтаксические структуры в номинативном и деривационном аспектах. Областная научная конференция «Проблемы деривации и номинации в русском языке»: Тез. докл. Омск, 1988.

Черемисина М. И., Колосова Т. А. О структурной модели и семантике предложения // Вопросы грамматики и лексикологии в историческом и синхронном освещении. Новосибирск, 1994. С. 107–119.

Черемисина М. И., Колосова Т. А. К проблеме моделирования предложений наличия / отсутствия в русском языке // Языковые единицы в семантическом и лексикографическом аспектах. Новосибирск, 1998. Вып. 2. С. 3–9.

Черемисина М. И., Ознова А. А. Синтаксис тюркских языков Южной Сибири. Простое предложение. Новосибирск, 2005.

Черемисина М. И., Скрибник Е. К. О системе моделей элементарных простых предложений в языках Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск, 1996. № 4. С. 46–57.

Чугунекова А. Н. Глаголы движения и формируемые ими модели простого предложения (на материале хакасского языка): Дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1998.

Шмелева Т. В. Семантический синтаксис: Курс лекций. Красноярск, 1988.

Якушко Г. Т. Модели простого предложения с глагольным сказуемым (на материале мансийского языка): Дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1997.

Материал поступил в редакцию 25.09.2006